

Велижев Михаил

‘Сенатор’ vs. ‘Поэт’: (авто)биографическая мифология и литературная репутация И.И. Дмитриева

‘Senator’ vs. ‘Poet’: The (Auto)Biographical Mythology and the Literary Reputation of Ivan Dmitriev

This paper is aimed at exploring the origins and mechanisms which have contributed to the creation of Ivan Dmitriev’s autobiographic ‘double identity’ – as a Russian ‘classic’ poet and as a high ranking state official. His biography is reconstructed in light of his literary and bureaucratic achievements (Dmitriev was one of the most famous and acknowledged poets at the beginning of the 19th century and also built a successful career as a civil servant, becoming the Russian minister of justice in 1810). A crucial point in his biography occurred when his two identities came into clash, in the course of a controversy with Mikhail Kachenovskii, critic and editor of an influential literary review, the «Vestnik Evropy». This paper analyses also Dmitriev’s defensive strategies against the attacks of literary critics who combined his two different identities, which seemed to him to be mutually exclusive. An explanation of his attitude can be found in the social conventions that regulated the Russian noblemen’s norms of behavior of the time.

Биография И. И. Дмитриева – яркое свидетельство служебной мобильности в России рубежа XVIII и XIX вв.: имея за плечами не слишком удачно складывавшуюся военную карьеру¹, Дмитриев со временем дослужился до министра юстиции. Отчасти тот же сценарий повторился и в сфере литературы: начав с анонимных

переводов и мелких стихотворений, Дмитриев затем приобрел репутацию поэта первого ряда, чье имя долгое время стояло рядом с именем Карамзина. Современники зачастую не отделяли успех Дмитриева в сфере государственного управления от достижений чисто литературных: так, доктор А. А. Иовский, рассуждая о заслугах Дмитриева в области российского законодательства, отмечал, что “сверх того, И. И. поэт, И. И. баснописец, И. И.

¹ “Первоначально служебное поприще Дмитриева было неблистательно; только через 12 лет (1787 г.) был произведен он в прапорщики” (Иванов 1863: 117).

литератор, каких немного” (Иовский 2010: 200)².

В 1820–1830-е гг. Дмитриев, ‘учитель’ Жуковского, Батюшкова, Гоголя (Письма к Дмитриеву 1866: 1632–1635, 1643, 1728) и др.³, – вместе с Карамзиным –

² Ср.: “Мне очень жаль Баранта, не смотря на промахи его. Вот в этом отношении как высоки были Карамзин и Дмитриев: ils etaient avant tout hommes de lettres [они были прежде всего литераторы. – фр.] везде и всегда, куда не переносила их судьба. Зато как умели они и в безграмотном своем обществе свято и ненарушимо поддерживать достоинство грамоты и заставлять даже и сильных мира сего поклоняться власти, которую они худо понимали”, письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 7 ноября 1837 г. (Мильчина 2004: 447). См. также: (Министр, поэт... 1810); письмо К. Н. Батюшкова к Е. Ф. Муравьевой от 20 января 1816 г. (Батюшков 1989: 372); (Вяземский 1823: LII); (Иванчин-Писарев 1827: V–VII); и др. Часто Дмитриева причисляли именно к государственным мужам, а не к литераторам – см., например: Боровков 1898: 55. О репутации Дмитриева см.: Балакин, Велижев 2007; Кочеткова 2010, Алексеева 2010 и др.

³ Дмитриев стоял у истоков литературной карьеры поэтов следующего за пушкинским поколения, например, А. В. Кольцова, см.: Белинский 1982: 83–84; Державин 1909: 115. См. также анекдотическое “первое” знакомство И. С. Тургенева с русской литературой: “Как теперь помню, шести–семи летним мальчуганом я был представлен одному весьма почтенному старцу. Мне сказали, что это сочинитель Иван Иванович Дмитриев,

служил ‘живой’ эмблемой уже ушедшей, блистательной эпохи русской литературы. Смерть поэта в 1837 г. символизировала некалендарное, культурное завершение XVIII столетия. В некрологе Дмитриеву (1838) П. А. Плетнев отмечал: “Его утрата снова возбудила живое сожаление о его друге, как будто в нем мы лишились его в другой раз, как будто теперь уже несомненное стала потеря Карамзина” (Плетнев 1885: 335). Одновременно Дмитриев участвовал и в современном ему литературном процессе: “умелый режиссер литературного спектакля” (определение В. Э. Вацура, см. : Вацура 1980: 444), он по–прежнему собирал в своем доме обширное общество словесников разного калибра, давал им советы, побуждал к полемикам, внимательно следил за текущими событиями в литературе. За Дмитриевым – несмотря на времена возникающие спо-

ев, и я продекламировал пред ним одну из его басен. Но представьте себе ужас и матушки, и окружающих, когда я этому достопочтенному старцу прямо в глаза так и брякнул: – ‘Твои басни хороши, а Ивана Андреевича Крылова гораздо лучше’. Матушка так рассердилась, что высекла меня и этим закрепила во мне воспоминание о свидании и знакомстве, первом по времени, с русским писателем” (Тургенев 1883: 202).

ры вокруг его поэтического статуса⁴ – прочно установилась репутация “действительного поэта первого класса, уволенного в отставку по собственному прошению” (Воейков 1994: 7)⁵. В последний период своей жизни, изредка отдавая тексты в печать, Дмитриев лишь коннотировал свое присутствие в мире словесности⁶. Его действия были прежде всего направлены на поддержание созданного в первой четверти XIX в. реноме.

⁴ Главным образом, вокруг опубликованных в 1826 г. *Апологов в четверостишиях* (см. эпиграммы Н. М. Языкова, Д. В. Веневитинова, рецензию П. И. Шаликова в «Дамском Журнале» и др.)

⁵ См. также письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу от 18 сентября 1818 г.: (Дмитриев 1895: 233).

⁶ Подробнее см.: Балакин, Велижев 2010; Бодрова 2010. Присоединимся к мнению А. С. Бодровой (Бодрова 2010: 43) о небрежностях и неточностях, допущенных В. А. Сукайло при публикации поздних стихотворений Дмитриева (Сукайло 2010). Пользуясь случаем, исправим одну из них: так, В. А. Сукайло на странице 5, в своем *Предисловии*, указывает название переводной комедии Дмитриева из Флориана, отложившейся в чертковском фонде ОПИ ГИМ, – *Багамские близнецы*, между тем в рукописи стоит иное название – *Бергамские близнецы* (*Бергамские близнецы. Комедия Господина Флориана. Вольной перевод*, см.: ОПИ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 207, л. 1), что, как кажется, ближе передает суть оригинала – *Les jumeaux de Bergame*.

Конфликт репутаций: Сановник и/или “классический” поэт

Рассуждая о репутации Дмитриева, сформировавшейся в начале XIX в., правильнее будет говорить не об одной, а о двух разных составляющих публичного образа – литературной и служебной. С 1810 по 1818 гг. выходят три издания сочинений Дмитриева, именно в 1810–е гг. в критике, дружественной поэту, вероятно, не без его одобрения, получает обоснование представление о Дмитриеве как русском “классическом поэте”⁷, единственном оставшимся в живых после смерти Державина. У истоков “классической” репутации Дмитриева стоял П. И. Макарков, отмечавший в «Московском Меркурии» (1803): “Г. Дмитриев неоспоримо принадлежит к маленькому числу наших первоклассных Поэтов; а по Басням и Сказкам, он между ими первой. – Имя его останется всегда украшением Российского Парнаса” (Макаров 1803: 70). В 1810 г. А. Ф. Воейков в журнале «Цветник» впервые, насколько нам известно, наименовал Дмитриева “классическим по-

⁷ При этом Дмитриев не считался по этом профессиональным, см.: Meunieux 1966: 57.

этом”: “И. И. Дмитриев принадлежит к малому числу тех Поэтов, коих называют Классическими” (Воейков 1810: 120). То же определение повторил в 1815 г. В. В. Измайлов: “Сие новое издание одного из лучших наших классических Поэтов заслуживает подробный разбор” (Измайлов 1815: 98). Его однофамилец А. Е. Измайлов в 1819 г. утверждал: “Скажу только, что изо всех наших стихотворцев никто, по моему мнению, не имеет более права на титул *Классического Поэта* как И. И. Дмитриев” (Измайлов 1819: 195)⁸.

⁸ Не имея возможности подробно анализировать историю понятия “классическое” (см., например: Будагов 1966), отметим, что наиболее подходящее для данного случая определение, на наш взгляд, содержится в более поздних “*Causeries du Lundi*” Ш. – А. Сент-Бева: в конце XVIII в. “классиками *par excellence* считались писатели среднего класса, правильные, разумные, элегантные, всегда ясные...” (“...les classiques *par excellence*, se seraient les écrivains d’un ordre moyen, justes, sensés, élégants, toujours nets...”, *Sainte-Beuve s.a.*: 43). Сент-Бев ссылался на поэтическое описание “умеренных” стихотворцев М.-Ж. Шенье, который, как писал Сент-Бев, “думал о Поупе, Депрео, Горации” (*Sainte-Beuve s.a.*: 44). Это определение отчетливо корреспондирует с батюшковской дефиницией Дмитриева: “Характер его дарования, красивость и точность. Он то же делает у нас, что Буало и Попе у себя” (1817) (Батюшков 1977: 421).

Итог созданию дмитриевской репутации подводится в 1823 г., когда в качестве предисловия к шестому собранию его сочинений публикуется панегирическое *Известие о жизни и сочинениях Ивана Ивановича Дмитриева князя Вяземского*⁹. *Известие*, как отмечалось уже современниками¹⁰, было особенно тем, что адресовалось, вопреки традиции, еще живущему литератору. Вяземский стремился акцентировать внимание современников именно на литературных заслугах Дмитриева, а не на его не менее блестящей карьере государственного чиновника (Вяземский 1823: I, III)¹¹. В том же

⁹ Можно предположить, что Дмитриев остался доволен *Известием* Вяземского: см., например, письмо Дмитриева к Н. И. Гнедичу от 14 января 1825 г. (Письма русских писателей 1980: 428–429).

¹⁰ См. письмо Д. И. Хвостова к В. М. Перевощикову: (Гиллельсон 1962: 219). См. также: Грачева 1992.

¹¹ Вяземский писал Н. И. Гнедичу 4 сентября 1821 г.: “Как пространно быть должно известие о жизни гражданской и авторской Ив[ана] Ив[ановича] Дмитриева? не лучше ли заняться исключительно описанием последней, ибо в описании первой, при нынешнем ограничении свободы письменной, предвижу затруднения, почти неодолимые, а сухое изложение постепенного прехождения из чина в чин почитаю более некрологиею, чем Биографию Поэта?” (Из

году А. А. Бестужев в «Полярной звезде» замечал: “Игривым слогом, острою ума и чистотою отделки он снискал себе имя образцового поэта” (Бестужев 1991: 89), а уже упоминавшийся Воейков воспроизвел в «Русском Инвалиде» собственную формулу 1810 г.: “И. И. Дмитриев принадлежит к малому числу тех Поэтов, кои называют Классическими” (Воейков 1823: 40).

При этом “классичность” получала свою легитимацию не через публикацию новых стихов, а с помощью регулярного переиздания старых. Важной формой бытования текстов Дмитриева, написанных в разное время, становится перепечатка их (в исправленном виде) в собраниях его сочинений и многочисленных сборниках “образцовых” русских стихотворений (например, Михаил Яковлев поместил в *Опыт русской анфологии...* 1828 г. 52 (!) стихотворения Дмитриева – больше, чем любого другого русского поэта) (Яковлев 1828)¹².

переписки П. А. Вяземского 1995: 434).

¹² Среди опубликованных Яковлевым стихотворений некоторые Дмитриеву не принадлежали. Поэт оповестил об этом публику на страницах «Московского Телеграфа». Подробнее см.: Каллаш 1901. Письмо Дмитриева к Н.А. Полевому об *Опыте...* Яковлева

При всем том, в своих автобиографических записках, создававшихся в 1823–1825 гг. (Тартаковский 1991: 159–165; Loewen 2005), Дмитриев обосновал иную точку зрения на свое творчество: он отказался от звания “поэта” и объявил государственную службу важнейшим и единственным содержанием собственной биографии (Дмитриев 1866; заключение к первой книге записок). Поэтическое ‘молчание’ Дмитриева не раз отмечалось современниками. Например, Д. Н. Блудов писал Дмитриеву 27 июля 1820 г.: “Первый из наших поэтов изменил Музам для юстиции, а потом бросил все и упорствует в молчании” (Письма к Дмитриеву 1868: 65). Начало государственной деятельности в данном случае имело следствием прекращение карьеры литературной¹³. Однако после окончательной отставки от службы Дмитриев подчеркнуто не ‘возвращается’ в литературу. В кратком предисловии к изданию сочинений 1823 г. поэт писал: “Знаю, что в стихотворениях моих найдутся

от 5 июля 1828 г. см.: ОР СПб ИИ РАН, Русская секция, колл. 238, оп. 2, к. 272, ед. хр. 33, л. 1–1 об.

¹³ См.: “Дмитриев рано перестал писать, вероятно потому, что был развлечен должностями” (Кениг 1862: 61).

и теперь многие недостатки” (Дмитриев 1823: 1 об.) Мотив “поэтического заката” звучал и в письмах того периода: “Искренно желал бы, чтоб Феб хоть на минуту осиял меня в старости лет моих” (из письма к А.Ф. Воейкову от 10 января 1823 г.; Письма русских писателей 1980: 423); “Что же касается до произведений моей старости, – они очень не важны... я уже покаялся перед Аполлоном” (из письма к Н.И. Гнедичу от 29 апреля 1823 г.; Письма русских писателей 1980: 424); “Напрасно, милый поэт, хотите оживить самолюбие в старике, который, право, и в лучшую пору жизни немного думал о своей поэзии. [...] Не ищите же моей слабости и оставьте меня дочитывать чужое и легко наслаждаться” (письмо к В.А. Жуковскому от 18 февраля 1823 г.; Дмитриев 1895: 284)¹⁴.

Примечательно, что тема “поэтической неспособности” поэта актуализовалась сразу после его смерти. Так, *Альманах на 1838 год* В.А. Владиславлева открывался двумя страницами

¹⁴ Жалобы на старость и, соответственно, недостаточность собственного дарования имели место и после 1823 г. См., например, письма Дмитриева к А.А. Дельвигу от 14 декабря 1825 г. и 17 апреля 1826 г. (Дмитриев 1895: 292, 296).

из ‘памятной книжки’ Дмитриева. Материал был доставлен Владиславлеву

Л.А. Якубовичем, в альбоме которого Дмитриев сделал запись 27 июля 1837 г., незадолго до своей кончины. Там, в частности, говорилось: “Часто приходило мне даже на мысль, что я и совсем не поэт, а пишу только по какому-то случайному направлению, по одному навыку к механизму” (Владиславлев 1838: 1–2). Это был слово в слово воспроизведенный фрагмент заключения к первой книге *Взгляда на мою жизнь*, в котором Дмитриев ‘отрекался’ от поэтического звания.

Парадоксальным образом, сеготования Дмитриева на скудость своего таланта участились в 1823 г., когда его поэтическая слава достигла апогея. В первой половине 1820-х гг. Дмитриев заявил о добровольном уходе из литературы – ‘во время’, на пике своей популярности. Этот ход гарантировал неприкосновенность его поэтического статуса в будущем: чтобы оставаться первоклассным поэтом в отставке, Дмитриеву было необходимо не писать или, как минимум, не публиковать стихов.

Впервые стремление Дмитриева к синхронному выстраиванию сразу нескольких типов литературного поведения с

особенной яркостью проявились раньше: во время конфликта Дмитриева с М. Т. Каченовским (в 1806 г.). Важность этого эпизода для литературной карьеры Дмитриева подтверждается хронологией его поэтической активности, данной в заключении первой части *Взгляда на мою жизнь*. Дмитриев писал стихи с 1777 по 1810 г. Из этого времени следовало исключить 14 лет ученичества (период с 1777 по 1791 г.) и 8 лет гражданской службы (1797–1799 гг. и 1806–1810 гг.). Таким образом, литературная карьера Дмитриева как бы продолжалась лишь 14 лет – с 1791 по 1797 гг. и с 1800 по 1806 гг. (Дмитриев 1866: 90–91). Получалось, что он перестал ощущать себя литератором в 1806 г. Именно к этому периоду следует отнести условную, но тем не менее концептуализированную современниками Дмитриева его “отставку из литературы” (“действительный поэт 1 класса, уволенный в отставку по собственному желанию”). Сам Дмитриев в письмах первой половины 1806 г. также часто писал об окончательном разрыве с поэзией и миром словесности: “Я уже давно уволен с Парнаса: топчи он, сколько хочет, мою книгу, лишь не мни подсолнечника в огороде моем” (письмо к

А. И. Тургеневу от начала мая 1806 г.; Дмитриев 1867: 1075); “Теперь остается мне ожидать заключительного проклятия от Петербургских журналистов и потом отдать пальму <зачеркнуто в оригинале> Хвостову, посвятить себя служению одной Фемиде и забыть навсегда милую двадцатилетнюю привычку к стихокропанию и лестное одобрение публики” (к А. И. Тургеневу от 18 мая; Дмитриев 1867: 1073); “одно слово Каченовского, и прощай моя девятилетняя славишка!” (к Жуковскому от 25 мая; Дмитриев 1895: 203).

Конфликт с Каченовским следует считать ключевым в становлении литературной репутации Дмитриева. Именно в такой интерпретации (не без смысловых и хронологических деформаций) эта история сохранилась в культурной памяти потомков:

В начале 30-х годов, – выражаясь риторическим языком, среди безоблачного неба, тайный советник Дмитриев внезапно был обруган семинаристом Каченовским. Поднял шум... Критик скрылся... Далее, генерал-лейтенант, сочинитель патриотической истории 12-го года, Михайлов-

ский–Данилевский, был обруган. Были приняты меры... стало тихо. Но на почве, усеянной, удобренной мыслителями 30-х годов, показались всходы; эти всходы заколосились, и первый тучный колос, сорвавшийся со стебля в 40-х годах, были *Записки охотника*, принадлежащие перу чествуемого вами литератора, отставного коллежского секретаря Ивана Тургенева¹⁵.

Анализу социо-литературных моделей, актуализованных Дмитриевым в столкновении с Каченовским, и посвящена настоящая работа¹⁶.

*Кристаллизация автобиографических мифов:
конфликт 1806 года*

¹⁵ Тост, произнесенный от имени генерала Дитятина актером И. Ф. Горбуновым на дружеском вечере у Островского в Москве (1850-е гг.). Цит. по: Лебедев 1990: 289.

¹⁶ Оговорим, что мы не имеем возможности учесть в настоящем исследовании другие, не менее важные стороны литературной репутации Дмитриева (Дмитриев как 'средний' поэт, Дмитриев как литератор при дворе Александра I, Дмитриев как человек устной культуры).

Фактические детали ссоры Дмитриева с Каченовским достаточно полно освещены в фундаментальной для изучения литературной биографии Дмитриева статье В. Э. Вацура *И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века* (1989), что избавляет нас от подробного пересказа всех обстоятельств коллизии.

Каченовский, введенный в 1801 г. С. Н. Глинкой в московское литературное общество¹⁷, быстро нашел себе влиятельного покровителя в служебной сфере – в том же году он стал библиотекарем, а позже и секретарем канцелярии попечителя московского учебного округа графа А. К. Разумовского (Васильчиков 1880: 50). С помощью Разумовского Каченовский в 1805 г. начал свою университетскую карьеру. В литературном мире Каченовский имел мало знакомств и, следовательно, вряд ли мог рассчитывать на участие в известных изданиях. Как кажется, именно поэтому в 1804 г. он посвятил Дмитриеву свой перевод *Афинских писем, или переписки одного агента, находящегося по тайным препору-*

¹⁷ См.: Глинка 1895: 173–174; Данилов 1908. Дебют Каченовского в литературе приходится на 1799 г., см.: Бобров 1907. О биографии Каченовского см.: Песков 1992.

чениям от царя персидского в Афинах в продолжение Пелопонезской войны¹⁸, тем самым стараясь установить определенную иерархию отношений, в которой переводчик оказывался под патронажем известного баснописца¹⁹. Вероятно, Дмитриев благосклонно смотрел на притязания Каченовского: когда тот стал издателем «Вестника Европы» (1805), Дмитриев начал участвовать в формировании журнала. Кроме того, Каченовский вошел в домашнее общество Дмитриева, в ‘избранный круг’ московских литераторов²⁰. В качестве ответной услуги новоявленный издатель следовал ‘карамзинской’ журнальной традиции и вступал в публичные полемики с Д. И. Хвостовым, П. И. Голенищевым – Кутузовым и другими литераторами, группировавшимися вокруг журнала «Друг Просвещения». Дмитриев осознал необходимость противодействовать ‘антикарамзинской’ линии

¹⁸ Об издании см.: Берков 1965: 30–32.

¹⁹ Патронаж был в России одним из самых распространенных способов социальных взаимоотношений (в том числе и в литературной сфере). См.: LeDonne 1991; Hosking 2000 (здесь же см. библиографию); Todd III 1997: 37–38.

²⁰ См. комментарий В. Э. Вацуро к письмам И. И. Дмитриева в: Письма русских писателей 1980: 440.

А. С. Шишкова и его единомышленников сразу же после выхода в свет *Рассуждения о старом и новом слоге Российского языка* (1803): он немедленно потребовал от Карамзина опровергнуть обвинения, содержащиеся в книге Шишкова²¹. В 1804 г. ситуация усугубилась тем, что сторонники Шишкова начали выпускать журнал «Друг Просвещения», между тем как карамзинисты своего главного издания не имели: Карамзин оставил «Вестник Европы» в конце 1803 г., в 1804 г. журнал выходил под надзором нескольких соредкторов, а начале 1805 г. перешел в руки Каченовского. О попытках Дмитриева организовать собственный печатный орган свидетельствует письмо А. И. Тургенева к А. С. Кайсарову от 9 февраля 1805 г.: “Жаль, что тебя нет здесь, а то бы мы, как нынче в моде издавать журналы, начали бы свой, на что уговаривает меня Дмитриев и предлагает мне, Жуковс[кому], Мерзляк[ову] свой дом для собрания и для работ. Ему хочется этого непременно” (цит. по: Тургенев 1989: 231). Характер-

²¹ Две разные версии события см.: Дмитриев 1985: 180; Погодин 1866: 394–395. См. также письмо Карамзина В. фон Вальцогену от 10 февраля 1804 г.: Пастернак, Лямина 1993: 197.

но, кого именно Дмитриев видел своими союзниками и на кого рассчитывал в борьбе с кругом «Друга Просвещения»: с одной стороны, бывших участников *Дружеского Литературного Общества*, служивших в московском архиве министерства иностранных дел Жуковского и Тургенева, а с другой – начинавшего университетскую карьеру А. Ф. Мерзлякова. Именно в этот момент внимание Дмитриева обратилось и на Каченовского.

Контакты между Дмитриевым и Каченовским интенсифицировались зимой 1805–1806 гг.: в это время Каченовский часто обедал у Дмитриева и, вероятно, обсуждал возможные сценарии литературной войны. В этот период картина московской журналистики претерпела существенные для расстановки литературных сил изменения: с начала 1806 г. начал выходить «Московский Зритель» близкого к Дмитриеву П. И. Шаликова. В свете новой ситуации лояльность Дмитриеву «Вестника Европы» Каченовского оказывается ключевой для понимания журнальных коллизий марта 1806 г. В этот момент Дмитриев, публикациями в «Московском Зрителе», «впервые вышел на авансцену как вождь литера-

турной группы» (Вацуро 2000: 37) – факт весьма примечательный, учитывая традиционное стремление Дмитриева лично не участвовать в печатных полемиках, оставаться «над схваткой», умело направляя действия своих союзников. Очевидно, поэт рассчитывал на верную победу над издателями «Друга Просвещения», пытавшимися подвергнуть ревизии сложившийся в начале XIX в. литературный пантеон (Лотман 1959: 237). В самом начале 1806 г. ситуация складывалась в пользу Дмитриева: он имел возможность влиять на издательскую политику двух московских журналов – старого и самого популярного в России «Вестника Европы» и новообразованного «Московского Зрителя». Для периодического издания Шаликова Дмитриев сам написал вступительную статью, а Каченовский до конфликта, по словам М. А. Дмитриева, «ни одной книжки ‘Вестника Европы’ не печатал без его (И. И. Дмитриева. – М. В.) одобрения» (Дмитриев 1985: 219)²².

Однако столь тщательно создавшееся единство верных

²² Возможно, М. А. Дмитриев преувеличил значение советов Дмитриева Каченовскому, хотя суть их взаимоотношений описал, судя по всему, верно.

Дмитриеву литературных сил достаточно скоро дало трещину. В феврале 1806 г. при посредничестве Дмитриева Каченовский заполучил для своего «Вестника Европы» два поэтических текста Г. Р. Державина – “кантату *Цирцея* из Руссо и стихи *Дева за клавесином* из Шиллера” (Дмитриев 1985: 219). Согласно М. А. Дмитриеву, его дядя поправил ряд не слишком удачных стихов Державина, но забыл уведомить об этом автора. Державин же решил, что правка принадлежит Каченовскому, и написал издателю «Вестника Европы» довольно резкое письмо. Между Дмитриевым и Каченовским произошло объяснение, вслед за чем и появилась критическая рецензия Каченовского на том *Сочинений и переводов Дмитриева* (Дмитриев 1998: 115–116). М. А. Дмитриев, апологетически настроенный по отношению к Каченовскому, своему преподавателю по Московскому университету, был склонен возлагать ответственность на обоих участников конфликта: “Каченовский был желчен; дядя не любил, чтоб перед ним забывались” (Дмитриев 1998: 116). Согласно версии Д. Н. Блудова, приведенной Я. К. Гротом, сам Каченовский переделал *Цир-*

цею Державина и попросил Дмитриева взять на себя ответственность за правку, что и было сделано. Получив затем *Деву за клавесином*, Каченовский остался ею недоволен и попросил, с одной стороны, Мерзлякова перевести текст Шиллера заново, а Дмитриева – вновь взять всю вину на себя: “[...] и тогда-то между ними (Дмитриевым и Каченовским. – М. В.) произошел спор, имевший последствием взаимное охлаждение” (Державин 1869: 342). Впрочем, Вацуро убедительно показал, что причины отказа Каченовского публиковать текст Державина были иными. В январе 1806 г. мерзляковский перевод того же стихотворения Шиллера появился в «Вестнике Европы». Издатель “хотел избежать слишком близкого соседства конкурирующих стихов”, так как перевод Державина прежде планировалось поместить в первый февральский номер «Вестника» (Вацуро 2000: 36). Так или иначе, но поводом к ссоре стал именно устный разговор между Дмитриевым и Каченовским, подтолкнувший оскорбленного критика к ответным действиям. В апреле и мае 1806 г. Каченовский напечатал в «Вестнике Европы» собственную рецензию на третий том *Сочинений и переводов*

Дмитриева (1805), в которой похвалы, адресованные знаменитому поэту, сочетались с подробным и подчас весьма критичным анализом опубликованных в книге басен. Каченовский, без сомнения, знавший о неладах Дмитриева с иностранными и древними языками²³, слышал дмитриевские переводы из Горация с латинским подлинником (Каченовский 1806б: 51), сознательно играя на болезненных чувствах поэта.

Кроме прочего, критика содержала две четко верифицируемые 'личности'. Указанием на эти фрагменты Блудов закончил статью против Каченовского (датирована 28 мая 1806 г.), сохранившуюся в бумагах Вяземского:

Зачем г. критик, на странице 290-й, говорит (как будто мимоходом, как будто для примера) о недовольствии одного человека малого чина на министра или сенатора, и говорит своим обыкновенным языком: *Сенатор, который прежде,*

²³ Дмитриев владел только французским языком. Об уровне знания Дмитриевым немецкого языка дает представление эпизод знакомства Андрея Тургенева с поэтом, относящийся к 1800 г. (Истрин 1911: 96).

обходившись с ним приятельски, вздумал-бы и проч.? Зачем, на странице 296-й, он опять возвращается к вельможе, который, как ему кажется, хочет иметь невольников за своим лакомым столом? (Блудов 1869: 278)²⁴.

6 февраля 1806 г. Дмитриев был назначен сенатором, таким образом две составляющие его карьеры – литературная и служебная – оказались тесно соположены. Именно предпочтение 'сенаторства' системе ценностей литературного мира ставил в вину Дмитриеву Каченовский. Конфликт между службой и занятиями словесностью ощущал и сам поэт, писавший 19 апреля 1806 г. А. И. Тургеневу: "Что бы сказали наши внучата о нашем просвещении, если бы дошли до них только русские наших времен журналы? Однако ж я забылся; мое дело теперь читать сенатские записки" (Дмитриев 1903: 703). Дмитриев, несомненно, лукавил, основывая историю собственной карьеры на строгом отграничении литературы от гражданской службы (так, что после назначения сенатором он ав-

²⁴ См. также: Каченовский 1806а: 290–291, 296.

томатически отошел от участия в делах литературных): открытое выступление Дмитриева против Хвостова и Голенищева–Кутузова на страницах «Московского Зрителя» имело место в марте 1806 г., т. е. тогда, когда поэт уже находился в сенаторской должности. В письмах к близким к нему Жуковскому и Тургеневу от апреля–мая 1806 г.²⁵ Дмитриев, интерпретируя поведение Каченовского, сознательно манипулировал двумя различными социо–литературными концепциями: с одной стороны, отрицал свою принадлежность к полю литературы через апелляцию к условностям государственной службы, а с другой – стремился мобилизовать своих корреспондентов на печатные выступления против Каченовского.

Может ли сенатор заниматься литературой?

Ключевая мысль, скрепляющая рассуждения Дмитриева в майских письмах Жуковскому и Тургеневу 1806 г., – идея служения Фемиде: “Но я слишком предался горячности оскорбленного поэта; важность судьи

²⁵ О конфликте с Каченовским Дмитриев упомянул также в письме к А. Х. Востокову от 2 июня 1806 г.: (Дмитриев 1895: 206).

полагает предел сей” (Дмитриев 1867: 1073). Поэт не считал возможным заниматься литературой не столько по отсутствию досуга, сколько по идеологической неуместности. Осмысление Дмитриевым службы уже в начале XIX в. выглядело несколько архаично, напоминая об афористичном высказывании кн. А. А. Вяземского, адресованном Державину: “Когда им заниматься делом, когда у них рифмы на уме” (Грот 1997: 213)²⁶. Уже в конце XVIII в. в русской культуре функционировали поведенческие модели, стремившиеся примирить карьеры высшего чиновника и литератора: например, представление о воспитании дворянского сословия через литературу как государственной службе (И. Ф. Богданович)²⁷ или концепция придворной поэзии, легитимирующей себя через прямой диалог с монархом (Г. Р. Державин)²⁸.

Приверженность Дмитриева к ценностям службы, как уже было отмечено, отчетливо

²⁶ Отсюда истолкование истории с медвежонком в земском суде как проявление ‘поэтических’ свойств характера Державина: “Вот, милостивцы, смотрите, что наш умница стихотворец делает: медведей – председателями” (Державин 2000: 102).

²⁷ См., например: Богданович 1861.

²⁸ См.: Клейн 2004: 165; Фоменко 1983.

проявилась в период создания *Взгляда на мою жизнь* (1823–1825), подводящего итог биографии Дмитриева, “классического” поэта и крупного государственного чиновника²⁹. Откровенное ‘мемуарное’ предпочтение служебной иерархии, хотя и не соответствовало ожиданиям карамзинского круга (Вяземский замечал, что Дмитриев “пишет их (записки. – М. В.) в мундире” (Вяземский 1963: 68), однако впоследствии имело свое влияние: так,

²⁹ Дмитриев представил *Взгляд на мою жизнь* как своего рода ‘последний’ свой текст. Например, в беседах с А. И. Тургеневым: “А ргорос: Дмитриев собирается на свою родину, надеется найти там своего ровесника, – ветхий дом, и намекает мне, что желает там написать первые страницы своих воспоминаний, прибавляя: ‘Не поздно ли? Может быть там и умру’” (письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 19 августа 1819 г.: ОА 1899: 292). Неслучайно, образцом мемуарного жанра Дмитриев считал *Записки* государственного человека в отставке – Я. П. Шаховского, который отмечал в конце своего труда: “Напоследок, по многих письменных и словесных спорах, кои стоили великих трудностей, еще более день ото дня в состоянии моего здоровья слабее становясь, и сам уже о себе чувствовал я, что мои дни на вечер склонились и солнце от меня отдаляется...” (Шаховской 1872: 206). Подробнее см.: Тартаковский 1991: 159–160. Между тем, Дмитриев писал стихи вплоть до самой своей смерти, однако уже не публиковал их (Балакин, Велижев 2007).

В. А. Жуковский записал в своем дневнике 20 октября 1837 г.: “В ту минуту, когда получено известие, что государь по болезни не будет в Новочеркаске, узнал о смерти И. И. Дмитриева. Жизнь час от часу более теряет своего здешнего достоинства. Настоящее достоинство человеческой жизни есть *должность*. Она одна остается под конец ее. Все прочее исчезает” (Жуковский 2004: 81). Ламентации о “служении Фемиде” в письмах 1806 г. к Жуковскому и А. И. Тургеневу, очевидно не разделявшим тогда подобные идеалы, носит отпечаток раздражения поэта первой жесткой печатной критикой в собственный адрес³⁰, ощущения угрозы литературной карьере и желания противопоставить ей иную систему ценностей. Особенно настойчиво Дмитриев отрекся от звания литератора, вступая в контакт с университетским кругом, т. е. с теми людьми, для которых образование и профессиональное знание являлись главным источником социального успеха³¹. В таких ситуациях поэт

³⁰ См. также: Ильин–Томич 1995–1996: 475.

³¹ Степень интенсивности таких контактов, судя по всему, была высока. В частности, в первой половине 1800-х гг. Дмитриев посещал лекции в

предпочитал укрыться за более престижным, как ему казалось, местом в гражданской табели о рангах, демонстративно указывая на пробелы в собственном образовании. В 1805 г. Дмитриев в письме Мерзлякову кратко описал свою литературную карьеру, посчитав свой успех в ученой среде случайностью:

Давно я собирался, любезный Алексей Федорович, удовлетворить требование Николая Николаевича, но робел приступить к тому; теперь же вижу, что вы неотменно хотите послужного моего списка; должен исполнить, как умею. И так, имея честь донести вам, что родился в 1760 г.; был гвардии капитаном, потом обер-прокурором в сенате; в последнем звании удостоился получить и орден св. Анны 2-го класса. Ныне же нахожусь в статских тайным советником. Вот моя гражданская жизнь; а учение состоит только в том, что я начал было учить французскую

грамматику, но, по причине бывшего в нашем краю Пугачевского мятежа, но доучил ее; русской же я совсем не учен; издал три томика кой-каких стихотворений и попал, не понимаю и сам каким образом, в число Российской Академии и в почетные члены Московского Университета... (Дмитриев 1895: 191)³².

Осенью 1807 г. Дмитриеву было предложено место попечителя Московского учебного округа, ставшее вакантным после смерти М. Н. Муравьева. На запрос министра народного просвещения П. В. Завадовского Дмитриев ответил отказом, мотивируя такое решение недостаточностью своего образования:

[...] я с тринадцати лет начав служить рядовым солдатом, не мог получить основательного понятия о науках, что я не знаю не токмо ученых языков, даже и новейших, кроме французско-

Московском Университете. См. письмо А. Ф. Мерзлякова к В. А. Жуковскому от 7 июля 1804 г. (Мерзляков 1871: 0148; Санглен 1883: 14).

³² Ср.: И. И. Дмитриев, Выписка из письма к Н. И. Гречу со сведениями биографического характера, Копия, [1819], РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5272, л. 1-2.

го, но и на оном не могу изъясняться³³.

Отказ от места попечителя был обусловлен не только незнанием языков и наук. В том же *Взгляде на мою жизнь* Дмитриев оговаривался, что не согласился занять вакантный пост, так как, во-первых, не хотел подвергнуться нападкам “завистников и эпиграмматистов”, и во-вторых, имел опыт в исполнении сенаторских обязанностей и желал заниматься ими и далее (см.: Дмитриев 1866: 155). Учитывая контакты Дмитриева с университетским кругом в предшествующий период, под “завистниками и эпиграмматистами” следовало понимать Каченовского, Мерзлякова (которого Дмитриев считал причастным к рецензии Каченовского (см.: Дмитриев 1895: 204)), Голенищева-Кутузова и близкого к цензурному комитету Хвостова.

³³ Цит. по: Андреев 2000: 112. Ср.: “По кончине Попечителя Московского Университета, М. Н. Муравьева, Государь Император Александр Павлович благоволил назначить меня на его место; но собственное сознание недостатков моих внушило в меня смелость просить Его Императорское Величество возложения звания Попечителя на другого, более меня того достойного” (Дмитриев 1866: 93).

Во время своего министерства Дмитриев был крайне щепетлив в отношении упоминаний о своих литературных успехах. В 1812 г. поэт оскорбился предположением министра народного просвещения А. К. Разумовского о том, что он мог писать стихи во время столь важной для России войны (Вяземский 2003: 45)³⁴. Опасения Дмитриева не были беспочвенными – об этом свидетельствует отзыв о нем Ф. В. Ростопчина, считавшего Дмитриева малоспособным к служебной деятельности именно в силу его поэтических занятий:

Дмитриев, гвардейский офицер, уволенный в отставку во времена императрицы Екатерины; в начале царствования Павла был обвинен как заговорщик, но, признанный невиновным, определен в гражданскую службу, с большими преимуществами. Из московских сенаторов он, в 1810 г., был назначен министром юстиции. Человек этот мог бы быть существом более полезным, нежели был на самом деле; но – он поэт и

³⁴ Ср.: (Хвостов 1938: 382).

состоит под властью своего воображения; весьма щекотлив; в обществе тяжел, и весьма ревниво относится к значению своего сана (Ростопчин 1889: 654).

Социо-культурные истоки двойного взгляда

Колебания Дмитриева между двумя системами ценностей во многом связаны с начальной фазой его карьеры, как служебной, так и литературной. Дмитриев не получил систематического образования, будучи рано переведен из французского дворянского пансиона в школу при Семеновском полку. Вероятно, именно в пансионе Дмитриев мог познакомиться с европейскими учебниками дворянского поведения, переводившихся на русский язык в XVIII в.³⁵ Согласно этим учебникам, основным занятием дворянина считалась служба, необходимость совершенствования в службе сказывалась на его воспитании, образовании, организации досуга:

Военного чина шляхтич должен о своем чине и о службе больше всего рачение иметь, повелению

³⁵ См.: (Степанов 1983).

вышних своих с почтением повиноваться; а за хранение должной природному Государю своему верности, живота своего не шадеть, и службу Его Величества выше всего на свете почитать. Сие по общему мнению, не только Реторики с Философиею сильняе, но и всей Поэзии [стихотворство] важнее (Бельгард 1759: 102)³⁶.

Согласно кодексам дворянского поведения, профессиональные занятия литературой и, шире, науками противоречили светской этике:

Должно также избирать в науках то, что приятнее, и что увеселительнее; ибо мы сделаем себя смешными, если станем говорить о треугольниках и геометрических доказательствах, которые свойственны только великому числу людей, или об отвлеченных

³⁶ Ср.: “Только в полезном должен такой человек упражняться, который обязан служить Государю своему и отечеству. А протчее должно быть только времени препровождением, и он довольно в том научится, есть ли в скользь оное узнает” (Дворянское училище 1764: 137). Подробнее см.: Осповат 2007: 39–41.

науках, кои не встречаются в разговорах в большом свете (Бельгард 1795: 208).

Увлечение ‘рыночной’ литературой и стремление заработать на ней деньги приводило к развращению нравов. Как утверждал французский “легкий стихотворец” кардинал Ф. Й. де П. Берни:

Основное и отличительное качество литераторов – самолюбие. И это именно то, что часто делает знакомство с ними утомительным и рискованным: утомительным, поскольку необходимо постоянно осыпать их хвалами, или же слушать их похвалы самим себе; рискованным, поскольку мельчайшая обида их тщеславию разжигает их ненависть, возбуждает месть. [...] Поэтому я всегда советуя благоразумному человеку не вступать с авторами в противоборство и всячески избегать знакомства с ними³⁷.

³⁷ “Le caractère essentiel et distinctif des gens de lettres, c’est l’amour-propre. C’est aussi ce qui rend quelquefois leur commerce fatigant et dangereux: fatigant, parce qu’il faut se résoudre à les

В своем *Рассуждении о поэзии* Берни писал, что только строгое разграничение между поэзией и приличествующими социальному статусу занятиями будет способствовать прогрессу в науках:

[...] стремясь укрепить общественный порядок и способствовать успехам разума, необходимо так подчинить каждого гражданина долгу егословия, чтобы таланты никогда не мешали обязанностям, и добродетели могли всегда сосуществовать с познаниями; следует помнить, что самые легкомысленные на первый взгляд искусства прочным, но почти незаметным образом связаны с искусствами, которые считаются самыми необходимыми. Горе тому, кто посмеет порвать эту цепь³⁸.

louer sans cesse, ou à les entendre se donner des louanges; dangereux, parce que le moindre égratignure faite à leur vanité allume leur haine, excite leur vengeance. [...] Ainsi, je conseillerai toujours à un homme sensé de ne se jamais brouiller avec les auteurs, et d’éviter leur commerce” (Bernis 1986: 78); вперые книга была напечатана в 1878 г.

³⁸ “[...] pour maintenir l’ordre de la société, et hâter les progrès de l’esprit, il

Поэтические упражнения оказывались уместными и полезными³⁹ только в минуты праздного досуга⁴⁰, на чем базировался идеал салонной литературы, 'легкой' поэзии

faudroit tellement assujettir chaque citoyen aux obligations de son état, que les talens ne nuisissent jamais aux devoirs, et que les vertus pussent toujours subsister avec les connoissances; il faudroit se souvenir que les arts les plus frivoles en apparence son enchainés par un lien tres fort, mais presque imperceptible, aux arts qu'on croit les plus nécessaire. Malheur à celui qui oseroit rompre cette chaîne" (Bernis 1821: 15). Ср.: "И так если вы хотите сочинять стихи в обществе, то по крайней мере ограничьте их течение; не выводите их на обширный театр света; не говорите о них с важностью; обезоружьте Критику, или зависть [...]" (О стихах в обществе. Из соч. одного Датчанина: Философия зрелых лет. С фр., «Патриот. Журнал воспитания, издаваемый Владимиром Измайловым», 1804, II, с. 82).

³⁹ См.: Гюэ 1783: 102, 109, 119; Ле Нобль 1761: 137.

⁴⁰ "Поэзия имеет свои приятности, и можно ее любить без опасения, не взирая на смертельный яд, коим стихотворцы ее заразили. Герои посвятили ей некоторые минуты своей жизни. Но сделай мне одолжение, любезной Граф, примечай хорошенько, чтоб ты только некоторые минуты своего праздного времени ей назначил [...] делай иногда стихи, когда находишь в том удовольствие; но сие должно случаться только в сем разуме" (Дворянское училище 1764: 148). Ср.: Истинная политика 1787: 71–72.

сиюминутного вдохновения, к которой и обратился Дмитриев в начале своего поэтического пути⁴¹ ("я рано прилепился к ветренному Дорату", Дмитриев 1866: 65)⁴². Салонное стихосложение основывалось на импровизации: поэт, в духе эпикурейского гедонизма, стремился зафиксировать мгновение истинного наслаждения, адекватно передать язык изменчивых чувств (Masson 2002: 232). Отсюда следовало, что литературная практика 'легких' поэтов была обусловлена их образом жизни, оказывалась неразрывно связанной с обстоятельствами, в которых создавались стихи⁴³. Отличитель-

⁴¹ О Дмитриеве "легком стихотворце" см.: Зорин 1987: 22. О легкой поэзии в России см. также: Бруханский 1959; Вацуро 1994: 392.

⁴² Неслучайно, первым известным стихотворением Дмитриева, помещенным в журнал, была *Надпись к портрету Кантемира*, удачно совмещавшего, по мнению Дмитриева, таланты сатирика и умения государственного мужа.

⁴³ Ср.: "Les 'poésies fugitives' entretiennent avec la société où elles naissent et à laquelle elles sont destinées des relations complexes. [...] la société ne dicte pas seulement ses règles à cette poésie: elle lui fournit aussi son sujet de prédilection, l'évocation et la définition du bonheur social. [...] la poésie est ornement ou accessoire nécessaires de certaines conduites sociales, elle est elle-même activité sociale, et peut servir de

ным достоинством такой поэзии считалась ее спонтанность, нарочитая безыскусственность, в пику поэзии профессиональной, которая подчинялась критериям правильности, нормативности, следования предписаниям поэтической науки. Фундаментальное условие бытования “poésie fugitive” – ее непубличность, недоступность для того, кто не посвящен в обстоятельства, обусловившие создание поэтического текста. Коммуникативная ситуация радикально менялась при выходе ‘легкой поэзии’ за пределы узкого салонного круга: ‘легкая поэзия’ утрачивала элитарный характер и становилась объектом критики в соответствии с законами журнального и книжного рынка. Характерно в этом смысле, что оборотной стороной “гвардейского”, непрофессионального вступления Дмитриева в литературу стали постоянные сомнения в собственном поэтическом таланте в момент интенсивной публикации его стихотворений в периодических изданиях⁴⁴.

substitut à des gestes sociaux” (Menant 1981: 235, 255).

⁴⁴ См., например, письмо Карамзина Дмитриеву от 9 августа 1795 г.: “Только в минуту злой ипохондрии можешь ты почитать стихи твои пылью” (Карамзин 1866: 57). См. также письма б. д. (1791) (Карамзин 1866: 21) и от

В начале 1790-х гг. Дмитриев вошел в петербургский круг Державина⁴⁵ и познакомился с иными представлениями о сущности поэтического творчества. С этого момента и до 1795 г. Дмитриев пытался следовать двум литературным стратегиям. С одной стороны, он писал оды в духе Державина⁴⁶, с другой – постоянно печатался в «Московском Журнале» Карамзина (басни, дружеские послания, надписи к портретам, сказки)⁴⁷. Окончательное и относительно позднее самоопределение в литературе произошло только в 1795 г., когда Дмитриев выпустил под своим именем *И мои*

18 февраля 1796 г. (Карамзин 1866: 65). Характерное описание “гвардейского” стихотворства Дмитриева приведено в авторском введении к книге: Дмитриев 1823: 1. См. также: Долгоруков 1997: 105; (Долгоруков 1849: 232–236, 443–449).

⁴⁵ См.: Лаппо–Данилевский 1994: 12–13; Глинка 1985: 100–101, 123–124; Запавдов 1965: 93.

⁴⁶ Не случайно оду *Глас Патриота на взятие Варшавы* в столицах сочли творением Державина (см., например, письмо Карамзина Дмитриеву от 8 ноября 1794 г.: Карамзин 1866: 51).

⁴⁷ Так, в письме от 6 сентября 1794 г. Карамзин советовал Дмитриеву отказаться от одописания: “Ода и глас *Патриота* хороши *Поэзией*, а не *предметом*. Оставь, мой друг, писать такие пьесы нашим стихокропателям. Не унижай Муз и Аполлона” (Карамзин 1866: 50).

безделки, подчеркнуто ассоциируя себя с карамзинской традицией легкого стихотворства. В своей рецензии на сборник *И мои безделки* (1795) А. Т. Болотов отмечал:

К числу literalных продуктов сего года, принадлежит достойная замечания книжка, изданная под заглавием: *И мои безделки*. – Она содержала в себе одни только мелкие разные, но прекрасные стихотворения; и скоро сделалось известно, что сочинитель оной, был некто Господин Дмитриев, человек уже не молодой, но наилучший друг Г. Карамзина. Стихотворения сии были на большую часть известны публике, поелику многие из них помещены в Московском Журнале, где они означены были на большую часть только литерою И; и теперь узнали, что это был Господин Дмитриев; и что принадлежит он к числу наилучших наших пиитов, и делал собою честь сему веку. Книжка сия напечатана была точно в такой же маленькой формате, как и *Без-*

делки господина Карамзина (Болотов 1887: 32)⁴⁸.

Однако почти сразу же обстоятельства радикально изменили служебную карьеру Дмитриева: в результате, по сути, случайного⁴⁹ происшествия поэт, ложно обвиненный в “умышлении” на жизнь императора, стал одним из героев придворного спектакля публичного “прощения”, разыгранного Павлом I⁵⁰. Как следствие (а также благодаря покровительству великого князя Александра Павловича) Дмитриев получил высокую позицию в государственном аппарате – он стал обер-прокурором московского департамента Сената. Таким образом, стремительное развитие карьеры статского чиновника хронологически

⁴⁸ С. 32. Ср.: Дробова 1982: 157–158. Карамзин в 1791 г. спрашивал Дмитриева: “знает ли наш любезный Державин, что *И* в московском Журнале означает Ивана Ивановича Дмитриева?” (Карамзин 1866: 21).

⁴⁹ См. характерное четверостишие Г. Р. Державина *К портрету И. И. Дмитриева*: “Поэзия, честь, ум / Его были душою; / Юстиция, блеск, шум / Двора – судьбы игрою” (Державин 1870: 402).

⁵⁰ Подробнее см.: Эйдельман 1982: 174–175. В момент скандала с якобы готовившемся Дмитриевым покушением на жизнь Павла при дворе уже было известно о поэтической репутации Дмитриева (Волконский 1876: 184).

совпало с окончательным становлением репутации литературной. Судя по всему, Дмитриев пытался утвердить обе линии поведения. С одной стороны, он старался стать профессионалом и 'настоящим' придворным человеком, изменив даже собственную манеру одеваться⁵¹. С другой – в 1798 г. Дмитриев написал и чуть позже опубликовал *Стихи на высокомонаршую милость, оказанную императором Павлом Первым потомству Ломоносова*, где – как поэт – заявил о наступлении гармонии между словесностью и властью: “Талантам возвратились права: / Герой, вельможа, судия! / Не презирайте днесь певцами: / Сам Павел их равняет с вами, / Щедроты луч и к ним лия... Падут надменны пирамиды... / Исчезнут Ксерксовы полки / И царства, ими покорены; / Но дарования нетленны!”⁵².

⁵¹ См.: “Я имел сердечное удовольствие расспрашивать о тебе у Дм. Полтарацкого, которой, по его словам, видал тебя часто у Генерал-Прокурора. Например, он сказал мне, что ты говоришь об делах как профессор законов; что ты одеваешься как придворной, и проч. и проч.” (Письмо Карамзина к Дмитриеву от 11 февраля 1798 г.: Карамзин 1866: 91–92).

⁵² *Аониды*, кн. 3, 1798–1799, с. 38. См. также послание П. П. Бекетова “К И. И. Д. в ответ на письмо, где он говорит мне что намерен итти в от-

Заклучение: одна репутация, два автобиографические мифа

Как мы постарались показать, суждения Дмитриева о существе нападок Каченовского и о характере ответных действий – гетерогенны, не только не сводимы к какой-либо одной культурной модели, но основаны на постоянном взаимоналожении литературного и не-литературного рядов. Дмитриев объяснял нежелание отвечать критику социо-профессиональными причинами (он – дворянин на высокой государственной должности) и интерпретировал действия критика с экстралитературной точки зрения (Каченовский пишет рецензию, поскольку не умеет вести себя в светском обществе). Вместе с тем, очевидно, что последствия скандала в сугубо ‘литературном’ смысле волновали Дмитриева ничуть не меньше условностей его положения в иерархии государственного управления.

При переносе полемики из пространства дружеского круга (эпистолярный, устные разговоры) на страницы периодического издания Дмитриев следовал уже иной логике: инспи-

ставку” (1798; ОПИ ГИМ, ф. 398, оп. 1, ед. хр. 8, л. 34–34 об.).

рировал прямые, резкие инвективы в адрес критика с прозрачными обвинениями в “зависти”. Заявляя о собственном “молчании”, поэт давал понять своим корреспондентам и собеседникам, что публичный спор с Каченовским вести совершенно необходимо – эту цель отчасти преследовала эпиграмма Дмитриева на Каченовского *Нахальство, Аристарх, таланту не замена*.

После появления рецензии Каченовского, Дмитриев, как и следовало ожидать, вовсе не перестал писать стихи, но изменил механизм их дистрибуции. Он на время отказался от публикации своих произведений в печати⁵³, чем, с одной стороны, удовлетворил условностям своего нового высокого положения, а с другой – ушел из публичной литературной сферы, тем самым автоматически избавив себя и от критики, и от “зависти”. Поэт ограничился лишь “избранным кругом”: его эпиграммы могли прочесть только ближайшие друзья. Основным средством связи с потенциальным читателем стало частное письмо (например, тому же А. И. Тургеневу со стихом из

эпиграммы на Каченовского) или альбом со стихами (тетрадка, подаренная П. П. Бекетову в ноябре 1807 г.)⁵⁴.

При общей константности воззрений Дмитриева на внутренне законы словесности, его литературное поведение – изменчиво, отмечено постоянной флуктуацией между противоположными социо-литературными моделями. Двойственность дмитриевских высказываний, частая их противоречивость, не осталась незамеченной проницательными современниками.

Н. И. Тургенев записал в своем дневнике 5 июля 1807 г.:

Сколько мне случалось заметить, все, которые философствуют на словах и в сочинениях, которые говорят о ничтожности жизни сей, о тщетности человеческих занятий, о пустоте их честолюбия и о прочих, тому подобных вещах, – на деле заставляют думать о себе совсем противное. Примером могут служить очень, очень многие. (Волтер, если можно подле него поставить – Дмитриев и

⁵³ Три небольших текста Дмитриева появились лишь в первом номере «Вестника Европы» за 1808 г. См.: Зыкова 1994.

⁵⁴ См.: Неизданные стихотворения 1867: 981.

прочие) (Тургенев 1911: 66)⁵⁵.

Отрицательная реакция Дмитриева на предположение А. К. Разумовского о том, что “он, в своем министерском звании и при современных важных и печальных событиях, мог еще заниматься стихотворством”, свидетельствовала именно о “литературности” дмитриевской позиции, поскольку непричастность к сфере словесности в данном контексте является частью общей, чисто литературной стратегии и подтверждает ориентацию Дмитриева на нормы дворянского поведения.

История взаимоотношений Дмитриева с Каченовским показывает, что сам поэт не ощущал конфликтности между двумя версиями собственной репутационной мифологии: он без особенных колебаний ‘переходил’ из одного биографического регистра в другой – он одновременно считал себя “классическим поэтом” и дворянином–чиновником высокого ранга, чьи связи с литературным миром оценивались в светском обществе как предосудительные. Очевидно, мы имеем дело с феноменом

⁵⁵ См. высказывание А. И. Тургенева, которое процитировал М. И. Гиллельсон: Гиллельсон 1964: 466.

“двойной идентичности”, о котором пишет А. Л. Зорин в своей работе о М. Н. Муравьеве, страстно желавшем получить новый чин и одновременно, в другом контексте, отрицавшем значимость служебной иерархии, предпочитая ей семейные досуги (Зорин 2011). В основе литературного поведения Дмитриева лежало его стремление утвердиться сразу в нескольких профессиональных сферах: служебная и литературная деятельность Дмитриева оставались неразрывно связанными, составляя взаимный фон его публичных жестов. Аналогичным образом воспринимали его репутацию современники: Ростопчин считал Дмитриева плохим чиновником и человеком, “тяжелым в свете”, – в силу принадлежности к миру литераторов, Н. А. Полевой в некрологической рецензии 1838 г. отказывал Дмитриеву в звании поэта на том основании, что он занимался поэзией только в редкие минуты, свободные от государственной службы⁵⁶, а Вяземский считал Дмитриева образцом *homme de lettres* при русском дворе⁵⁷.

⁵⁶ *Сын Отечества*, 1838, X, с. 84.

⁵⁷ Статья подготовлена в рамках проекта: “Европеизированная элита в России XVIII – начала XIX в.: роли и идентичности” (“The Creation of a Eu-

ropeanized Elite in Russia: Public Role and Subjective Self”), поддержанного фондом Леверхульм Траст (The Leverhulme Trust, R-357).

Автобиография - Number 5/2016

Библиография

Алексеева 2010: О. В. Алексеева, *Поэт, мемуарист и автор писем: конструирование авторского облика в творчестве Дмитриева // Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения*, Санкт-Петербургский научный центр РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом), СПб., 2010, с. 19–27.

Андреев 2000: А. Ю. Андреев, *Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века*, Языки русской культуры, М., 2000.

Балакин, Велижев 2007: А. Ю. Балакин, М. Б. Велижев, *Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. “На кончину А. Л. П...”*, «Новое Литературное Обозрение», 2007, LXXXVI с. 123–133.

Батюшков 1977: К. Н. Батюшков, *Опыты в стихах и прозе*, Изд. подгот. И.М. Семенко, Наука, М., 1977.

Батюшков 1989: К. Н. Батюшков, *Сочинения*, т. II, Сост. В.А. Кошелева и А.Л. Зорина, Художественная литература, М., 1989.

Белинский 1982: В. Г. Белинский, *О жизни и сочинениях Кольцова (1846) // В. Г. Белинский, Собрание сочинений в 9 тт.*, Художественная литература, М., т. 8, 1982.

Бельгард 1759: *Аббата Беллегарда Совершенное воспитание детей, содержащее правила о благопристойном поведении молодых знатного рода и шляхетного достоинства людей, с приобщенными нравоучительными рассуждениями, переведено с Французского языка Сергеем Волчковым*, СПб., 1759.

Бельгард 1795: *Рассуждения о том, что может нравиться и не нравиться в светском обращении, написанные г. Аббатом Беллегардом*, М., 1795.

Берков 1965: П. Н. Берков. *О людях и книгах (из записок книголюба)*, Книга, М., 1965.

Бестужев 1991: А. А. Бестужев, *Взгляд на старую и новую словесность в России (1823) // Декабристы. Эстетика и критика*, Искусство, М., 1991, с. 11–29.

Блулов 1869: *Неизданная статья (графа) Д.Н. Блулова по поводу критики Каченовского на сочинения И.И. Дмитриева // М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти*, М., 1869, с. 267–278.

Бобров 1907: Е. А. Бобров, *Мелочи из истории русской литературы. XI – XIV*, «Русский филологический вестник», 1907, IV, с. 331–337.

Богданович 1861: *Начертание к заведению и установлению общества Российских писателей (проект И. Богдановича)*, «Библиографические записки», 1861, VII, стлб. 194–199.

Бодрова 2010: А. С. Бодрова, *Из комментариев к поздним стихотворениям И.И. Дмитриева // Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения*, Санкт-Петербургский научный центр РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом), СПб., 2010, с. 43–54.

Болотов 1887: А. Т. Болотов, *Рец. на: Дмитриев И.И. И мои безделки // Губерти Н.В. Историко-литературные и библиографические материалы*, СПб., 1887. С. 32.

Боровков 1898: Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки, «Русская старина», 1898, ХСVI, с. 41–63.

Бруханский 1959: А. Н. Бруханский, *М.Н. Муравьев и “легкое стихотворство” // XVIII век*, Академия наук СССР, Москва, Л., Сб. 4, 1959, с. 157–172.

Будагов 1966: Р. А. Будагов, *Из истории семантики прилагательного классический // XVIII век*, Сб. 7, Наука, М., Л., 1966, с. 443–448.

Васильчиков 1880: А. А. Васильчиков, *Семейство Разумовских*, СПб., 1880, т. II.

Вацуρο 1980: В. Э. Вацуро, *Комментарии // Письма русских писателей XVIII века*, Наука, Л., 1980, с. 438–459.

Вацуро 1994: В. Э. Вацуро, *Лицейское творчество Пушкина // А. С. Пушкин, Стихотворения лицейских лет. 1813–1817*, Ред. тома В. Э. Вацуро, Наука, СПб., 1994, с. 419–438.

Вацуро 2000: В. Э. Вацуро, *И.И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // В. Э. Вацуро, Пушкинская пора*, Академический проект, СПб., 2000, с. 9–53.

Владиславлев 1838: *Альманах на 1838 год, изданный В. Владиславлевым*, СПб., 1838.

Воейков 1810: А. Ф. Воейков, *Рец. на: Сочинения Дмитриева. Издание третье*. М., 1810, «Цветник», 1810, X, с. 106–130.

Воейков 1823: А. Ф. Воейков, *О новом издании стихотворений И.И. Дмитриева*, «Русский Инвалид», 1823, III, с. 33–45.

Воейков 1994: А. Ф. Воейков, *Парнасский адрес-календарь, или роспись чиновных особ, служащих при дворе Феба и в нижних земских судах Геликона, с краткими замечаниями об их жизни и заслугах // «Арзамас»: Сборник*, Кн. 2, Под общей ред. В. Э. Вацуро и А. Л. Осповата, Художественная литература, М., 1994, с. 7–10.

Волконский 1876: *Рассказы князя П.М. Волконского, записанные с его слов А.В. Висковатовым, в январе 1845 г.*, «Русская старина», 1876, V, с. 176–190.

Вяземский 1823: [П. А. Вяземский] *Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева*, Ч. I, СПб., 1823, с. I–LII.

Вяземский 1963: П. А. Вяземский, *Записные книжки (1813–1848)*, Изд. подгот. В. С. Нечаева, Изд. АН СССР, М., 1963.

Вяземский 2003: П. А. Вяземский, *Старая записная книжка. 1813–1877*, Захаров, М., 2003.

Гиллельсон 1962: М. И. Гиллельсон, *Новое о статье П.А. Вяземского “Известие о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева”*, «Русская литература», 1962, III, с. 219–223.

Гиллельсон 1964: М. И. Гиллельсон, *А.И. Тургенев и его литературное наследство // А. И. Тургенев, Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.)*, Изд. подгот. М. И. Гиллельсон, Наука, М., Л., 1964, с. 441–504.

Глинка 1895: *Записки Сергея Николаевича Глинки*, СПб., 1895.

Глинка 1985: Н. И. Глинка, *Державин в Петербурге*, Лениздат, Л., 1985.

Грачева 1992: Е. Грачева, *Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева П.А. Вяземского (‘Жизнь поэта’ и жизнь поэта) // В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана*, Отв. редактор Е. В. Пермяков, Эйдос, Тарту, 1992, с. 87–98.

Грот 1997: Я. К. Грот, *Жизнь Державина*, Алгоритм, Арт-Бизнес-центр, М., 1997.

Гюзэ 1783: Г. Гуэция *историческое рассуждение о начале романов, с прибавлением Беллегардова разговора о том, какую можно получить пользу от чтения романов*. Переведено с Французского языка Иваном Крюковым, М., 1783.

Данилов 1908: В. В. Данилов, М.Т. Каченовский и С.Н. Глинка под Иваном Великим, «Русская старина», 1908, IX, с. 466–472.

Дворянское училище 1764: *Дворянское училище, или нравоучительные разговоры между Кавалером Б*** и графом его племянником*. С фр. на рос. язык в пользу благородного Российского юношества перевел Евстигней Харламов, СПб., 1764.

Державин 1869: *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота*, СПб., т. II, 1869.

Державин 1870: *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота*, СПб., т. III, 1870.

Державин 2000: Г. Р. Державин, *Записки*, Подгот. текста Ю. В. Сокоровой, Мысль, М., 2000.

Державин 1909: Н. А. Державин, А.В. Кольцов и его поэзия. (К столетию со дня рождения), «Исторический вестник», 1909, X, с. 113–151.

Дмитриев 1823: *Стихотворения И.И. Дмитриева*, Ч. I, СПб, 1823.

Дмитриев 1866: И. И. Дмитриев, *Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева*, М., 1866.

Дмитриев 1867: *Письма 1806 – 1823 годов Ивана Ивановича Дмитриева (1760–1837) к Александру Ивановичу Тургеневу (1784–1845)*, «Русский архив», 1867, VII, стлб. 1072–1138.

Дмитриев 1895: *Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева*, СПб., т. II, 1895.

Дмитриев 1903: *Неизданные письма И.И. Дмитриева к А.И. Тургеневу*, «Русская старина», 1903, XII.

Дмитриев 1985: М. А. Дмитриев, *Мелочи из запаса моей памяти* // М. А. Дмитриев, *Московские элегии*, Сост. В. Б. Муравьева, Московский рабочий, М., 1985, с. 141–302.

Дмитриев 1998: М. А. Дмитриев, *Главы из воспоминаний моей жизни*, Подгот. текста и коммент. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой, Новое Литературное Обозрение, М., 1998.

Долгоруков 1849: *Сочинения Долгорукого (Князя Ивана Михайловича)*, СПб., т. I, 1849.

Долгоруков 1997: И. М. Долгоруков, *Капище моего сердца или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни*, Изд. подгот. В. И. Коровин, Наука, М., 1997.

Дробова 1982: Н. П. Дробова, *Малоизвестные биографические заметки о русских писателях XVIII в. как историко-литературное явление*, «Русская литература», 1982, I, с. 275–283.

Жуковский 2004: В. А. Жуковский, *Полное собрание сочинений и писем в двадцати тт.*, Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич, Языки славянской культуры, М., т. 13, 2004.

Западов 1965: В. А. Западов, *Гаврила Романович Державин. Биография*, Просвещение, М., Л., 1965.

Зорин 1987: А. Л. Зорин, «Вслед шествую Анакреону...» // *Цветник. Русская легкая поэзия конца XVIII – начала XIX века*, Сост. А.Л. Зорина, Книга, М., 1987, с. 5–53.

Зорин 2011: А. Л. Зорин, *Разлука с семьей весной 1797 года: двойная идентичность Михаила Муравьева*, «Новое Литературное Обозрение», 2011, СХ, с. 188–201.

Зыкова 1994: Г. В. Зыкова, *Атрибуция некоторых текстов И.И. Дмитриева, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского и М.Т. Каченовского в «Вестнике Европы» 1800–1810-х гг.*, «Вестник Московского университета», Серия 9: Филология, 1994, II, с. 42–44.

Иванов 1863: П. Иванов, *Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции*, СПб., 1863.

Иванчин-Писарев 1827: Н. Д. Иванчин-Писарев, *Дух Карамзина, или Избранные мысли и чувствования сего писателя...* Ч. 1, М., 1827.

Измайлов 1819: [А. Е. Измайлов], *Рец. на: Сочинения И.И. Дмитриева. Издание пятое. М., 1818*, «Благонамеренный», 1819, III, с. 194–198.

Измайлов 1815: [В. В. Измайлов], *Новости Русской литературы*, «Российский Музеум, или Журнал Европейских новостей, издаваемый Владимиром Измайловым», 1815, I, 1, с. 98–101.

Из переписки П. А. Вяземского 1995: *Из переписки князя П.А. Вяземского с Н.И. Гнедичем*, Публ. Д. П. Ивинского // *Лица: Биографический альманах*, Феникс-Atheneum, М., СПб., вып. 6, 1995, с. 431–452.

Ильин-Томич 1995-1996: А. А. Ильин-Томич, *“И мои” письма И.И. Дмитриева к Д.Н. Блудову // Новые безделки. Сборник статей к 60-летию В.Э. Вацуро*, Новое Литературное Обозрение, М., 1995–1996, с. 470–483.

Иовский 2010: А. А. Иовский, *Министерство И.И. Дмитриева*, Публ. С. И. Панова // *Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения*, Санкт-Петербургский научный центр РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом), СПб., 2010, с. 194–201.

Истинная политика 1787: *Истинная политика знатных и благородных особ, переведена с Французского* [В. Тредиаковским], СПб., 1787.

Истрин 1911: В. М. Истрин, *Младший Тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев // Архив братьев Тургеневых*, Вып. 2. Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.), СПб., 1911, с. 3–134.

Каллаш 1901: В. Каллаш, *Библиографические заметки*, «Русский архив», 1901, IV, с. 700–701.

Карамзин 1866: *Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву*, СПб., 1866.

Каченовский 1806а: М. Т. Каченовский, *Рец. на: Сочинения и переводы Ив. Дмитриева*. Ч. III. М., 1805, «Вестник Европы», 1806, VIII, с. 278–300.

Каченовский 1806б: М. Т. Каченовский, *Рец. на: Сочинения и переводы Ив. Дмитриева*. Ч. III. М., 1805, «Вестник Европы», 1806, IX, с. 42–54.

Кениг 1862: [Г. Кениг], *Очерки русской литературы*, СПб., 1862.

Клейн 2004: И. Клейн, *Поэт–самохвал: “Памятник” Державина и статус поэта в России XVIII века*, «Новое Литературное Обозрение», 2004, LXV, с. 148–169.

Кочеткова 2010: Н. Д. Кочеткова, *Русский Лафонтен (к литературной репутации Дмитриева)* // А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова, Ред., *Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения*, Санкт-Петербургский научный центр РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом), СПб., 2010, с. 7–18.

Лаппо–Данилевский 1994: К. Ю. Лаппо–Данилевский, *О литературном наследии Н.А. Львова* // Н. А. Львов, *Избранные сочинения*, Сост. К. Ю. Лаппо–Данилевского, Пушкинский дом, РХГИ, Акрополь, Кельн; Веймар; Вена; Белая; СПб., 1994, с. 7–22.

Лебедев 1990: Ю. Лебедев, *Тургенев, Молодая гвардия*, М., 1990.

Ле Нобль 1761: *Светская школа или Отеческое наставление сыну о обхождении в свете чрез г. ле Нобль*, С Французского на Российской язык перевел Сергей Волчков, СПб., 1761.

Лотман 1959: Ю. М. Лотман, *Писатель, критик и переводчик Я.А. Галинковский // XVIII век*, Сб. 4, Академия наук СССР, М., Л., 1959, с. 230–256.

Макаров 1803: П. И. Макаров, *Рец. на: Сочинения и переводы Ивана Дмитриева*. М., 1803, «Московский Меркурий», 1803, X, с. 56–71.

Мерзляков 1871: *Письма А. Ф. Мерзлякова к В. А. Жуковскому*, «Русский архив», 1871, стлб. 0133–0157.

Мильчина 2004: В. А. Мильчина, *Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы*, Гиперион, СПб., 2004.

Министр, поэт... 1810: N. N., *Министр, поэт, доброй человек, патриот (достопамятность в моей жизни)*, «Аглая», 1810, XII, 1 (октябрь), с. 22–23.

Неизданные стихотворения 1867: *Неизданные стихотворения И.И. Дмитриева*, «Русский архив», 1867, стлб. 981–990.

Осват 2007: К. А. Осват, Сумароков – литератор в социальном контексте 1740 – начала 1760-х гг. // R. Bartlett, G. Lehmann-Carli (eds.), *Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004*, LIT, Berlin, 2007, pp. 39–41.

ОА 1899: *Остафьевский архив князей Вяземских*, СПб., т. I, 1899.

Пастернак, Лямина 1993: “О Шиллере, о славе, о любви” (Вильгельм фон Вальцоген и Н.М. Карамзин), публ. Е. Е. Пастернак и Е. Э. Ляминой // *Лица. Биографический альманах*, Феникс, Atheneum, М., СПб., вып. 2, 1993, с. 176–205.

Песков 1992: А. М. Песков. *Михаил Трофимович Каченовский // Русские писатели. 1800–1917*. Биографический словарь, Научное издательство «Большая российская энциклопедия», Фианит, М., т. 2, 1992, с. 516–519.

Письма к Дмитриеву 1866: *Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву*, «Русский архив», 1866, стлб. 1616–1730.

Письма к Дмитриеву 1868: *Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву. 1816–1837*, М., 1868.

Письма русских писателей 1980: *Письма русских писателей XVIII века*, Наука, Л., 1980.

Плетнев 1885: *Сочинения и переписка П. А. Плетнева*, СПб., т. I, 1885.

Погодин 1866: *Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии*, с примечаниями и объяснениями М. Погодина, Ч. I, М., 1866.

Ростопчин 1889: *Тысяча восемьсот двенадцатый год в Записках графа Ф. В. Ростопчина*, «Русская старина», 1889, LXIV, с. 643–725.

Санглен 1883: *Записки Якова Ивановича де-Санглена*, «Русская Старина», 1883, I, с. 1–47.

Степанов 1983: В. П. Степанов, *К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // XVIII век*, Наука, Л., сб. 14, 1983, с. 105–120.

Сукайло 2010: В. А. Сукайло, *Труды и дни Ивана Дмитриева в 2 кн.*, Печатный двор, Ульяновск, 2010.

Тартаковский 1991: А. Г. Тартаковский, *Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге*, Наука, М., 1991.

Тургенев 1883: *Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г.*, «Русская старина», 1883, XL, с. 201-216.

Тургенев 1989: А. И. Тургенев, *Политическая проза*, сост. и примеч. А. Л. Осповата, Советская Россия, М., 1989.

Тургенев 1911: *Архив братьев Тургеневых, Вып. 1: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806-1811 года*, СПб., 1911.

Фоменко 1983: И. Ю. Фоменко, *Автобиографическая проза Г.Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век*, Наука, Л., сб. 14, 1983, с. 143-165.

Хвостов 1938: *Из архива Д. И. Хвостова*, публ. А. В. Западова // *Литературный архив: материалы по истории литературы и общественного движения*, Изд. АН СССР, М., Л., 1938, с. 359-411.

Шаховской 1872: *Записки князя Якова Петровича Шаховского, полициймейстера при Бироне, обер-прокурора Св. Синода, генерал-прокурора и конференц-министра при Елисавете, сенатора при Екатерине II. 1705-1777*, СПб., 1872.

Эйдельман 1982: Н. Я. Эйдельман, *Грань веков*, Мысль, М., 1982.

Яковлев 1828: *Опыт русской анфологии, или избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения*, собрано Михаилом Яковлевым, издано Иваном Слениным, СПб., 1828.

Bernis 1821: *Poètes français, ou collection des poètes du premier ordre, et des meilleurs ouvrages en vers du second ordre. Poesies du second ordre*; Bernis, Paris, t. I, 1821.

Bernis 1986: *Mémoires du cardinal de Bernis*, Mercure de France, Paris, 1986.

Hosking 2000: J. Hosking, *Patronage and the Russian State*, «Slavic and East European Review», 2000, LXXVIII, 2, pp. 301-320.

LeDonne 1991: J. P. LeDonne, *Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700-1825*, Oxford University Press, N.Y., Oxford, 1991.

Loewen 2005: D. Loewen, *Placing the Poet in the Prose Autobiographies of Ivan Dmitriev and Gavril Derzhavin*, «Canadian Slavonic Paper», 2005, XLVII (Spring), pp. 23-47.

Masson 2002: N. Masson, *La poésie fugitive au XVIII-e siècle*, Honoré Champion, Paris, 2002.

Menant 1981: S. Menant, *La chute d'Icare. La crise de la poésie française. 1700–1750*, Droz, Genève; Paris, 1981.

Meynieux 1966: A. Meynieux, *La littérature et le métier d'écrivain en Russie avant Poushkine*, Librairie des Cinq Continents, Paris, 1966.

Sainte-Beuve s.a.: *Causeries du Lundi par C. – A. Sainte-Beuve de l'Académie française*, Paris, T. III, s.a.

Todd III 1997: W. M. Todd III, *Periodicals in literary life of the early nineteenth century // Literary Journals in Imperial Russia*, ed. by Deborah A. Martinsen, Cambridge University Press, Cambridge, 1997, pp. 37–64.